
I. Історико-філософські студії

УДК 882.09

Глазунова С. И.*Аспирантка Костромского государственного университета
им. Н. А. Некрасова (Россия)***ПОЭТИЧЕСКИЙ СБОРНИК КАК ОТРАЖЕНИЕ
ПОИСКОВ НОВОЙ ЭСТЕТИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ
В ТВОРЧЕСТВЕ В. НАБОКОВА**

Рассматривается специфика композиции поэтических сборников В. Набокова, исследуется возможность объединения текстов поэта в особые тематические единства, подобные лирическому циклу. Анализ художественной образности позволяет сделать выводы об особенностях мотива потусторонности, присутствующего в творчестве Набокова.

Ключевые слова: *В. Набоков, интерпретация, лирический цикл, поэтический сборник, рецепция.*

Вступление. Поиски новой художественной формы, отражающей сложное мировосприятие эпохи рубежа веков, характерны для творчества представителей Серебряного века. Владимир Набоков, чей художественный метод испытал заметное влияние основных литературных направлений fin de siècle, также активно экспериментировал с художественной формой своих произведений. Результатом этих поисков становится создание литературных текстов сложной структуры, содержащих (как в случае с романом «Дар») вставные элементы, которые привносят критический дискурс в художественный текст.

Широкие возможности для объединения художественного произведения с критическим выступлением предоставил Набокову лирический текст. Используя форму стихотворного цикла, поэт в цикле «Капли красок» противопоставляет темный, полный страдания мир Достоевского пространству настоящего художника, способного открыть высшую красоту даже в полете древесного листа. Однако для верного

понимания набоковских текстов важно учитывать не только их принадлежность к циклу, но и то место, которое они занимают в общей композиции стихотворного сборника.

Постановка проблемы. В данной статье сделана попытка определить специфику композиции стихотворных сборников Владимира Набокова на примере сборников «Гроздь» и «Горний путь».

Анализ литературы. В настоящий момент художественное творчество В. Набокова вызывает большое внимание литературоведов, культурологов, философов. В то же время следует отметить, что исследователями в большей мере разработаны проблемы поэтики романов писателя — возможно, это связано с тем, что именно романы принесли Набокову мировую славу. Лирика Набокова исследована в меньшей степени. Тем не менее, к проблеме специфики лирических циклов Набокова обращались такие исследователи, как Б. Бойд [1], Е. Г. Новикова [7], З. Шаховская [11], А. Field [12]. **В их работах были осмыслены особенности композиции и сюжета таких циклов Набокова как «Ангелы» и «Капли красок».**

Поскольку Набоков использует лирический текст для выражения своих литературно-критических оценок, в исследованиях Б. Н. Тихомирова [10], В. П. Старка [9], А. А. Долинина [2] были предприняты шаги к прояснению специфики интерпретационного метода в лирике Набокова.

Основная часть. Несмотря на то, что набоковедами прояснены некоторые особенности композиции лирических циклов Набокова, для прояснения позиции поэта необходимо выяснить внутреннюю логику объединения Набоковым текстов в стихотворные сборники. Уместно раскрыть данную проблему на примере тематических связей стихотворения «Садом шел Христос с учениками...» — одного из наиболее необычных стихотворений Набокова, посвященных анализу русской литературы — с другими стихами, входящими в сборник «Гроздь».

Готовя сборник к печати, Набоков выделил в нем четыре раздела: «Гроздь», «Ты», «Ушедшее» и «Движенье». Рассматриваемое нами стихотворение «Садом шел Христос с учениками...» входит в первую часть сборника. Этот раздел открывается стихотворением «Кто выйдет поутру? Кто спелый плод подметит?..», которое вводит один из лейтмотивов сборника — мотив сада, реализующийся в дальнейшем как рай земной («Из блеска в тень, и в блеск из тени...», «Когда захочешь, я уйду...», «О светлый голос, чуть печальный...», «Ночные бабочки» и др.), и рай

небесный («Садом шел Христос с учениками...», «Пушкин — радуга по всей земле...»). Стихотворение «В зверинце» из третьей части сборника рисует своеобразную пародию на эдем, где райский сад оказывается только местом увеселительных прогулок «ослепленного люда» [4, с. 462].

В то же время стихотворение, открывающее сборник, содержит в себе вопрос: «Кто вертограда господин?» [4, с. 443]. И в первых стихах сборника Набоков исследует возможность назвать человека хозяином сада, однако лексема «вертоград», используемая поэтом, заставляет предположить, что речь идет о духовном господстве. Первая же строка стихотворения, написанного на смерть Достоевского, заставляет нас вернуться к началу сборника, где Набоков дает красочное описание прекрасного сада:

Кто выйдет поутру? Кто спелый плод подметит?
Как тесно яблоки висят!
Как бы сквозь них, блаженно солнце светит,
стекая в сад.
[4, с. 443].

К описанию сада из первого стихотворения нас отсылает и такая деталь, упоминаемая Набоковым при описании трупа собаки: «<...> на солнечном песке, вытканном павлиньими глазками <...>» [4, с. 447], в то время как в стихотворении, открывающем сборник, есть строки: «В тени аллеи, один, лилейно-белый, / живет павлин» [4, с. 443]. На фоне идиллии прекрасного сада, который Набоков изображает в первом стихотворении сборника, особенно неуместным кажется описание тела пса и понятна реакция апостолов, отшатывающихся от вида гниющей плоти. Однако можно отметить, что особая гармония, наполняющая набоковский сад из первого стихотворения, предопределяет и слова Христа «Зубы у него как жемчуга...» [4, с. 448]. Речь Христа восстанавливает этот образ совершенного мира, нарушенный неприглядной находкой.

Подобное тематическое единство стихотворений, входящих в один сборник, представляет особый интерес в связи с полемикой Набокова с представителями «Парижской ноты».

В стихотворении «Поэту», которое можно рассматривать как литературный манифест молодого поэта, Набоков призывает своих коллег:

Болота вязкие бессмыслицы певучей
покинь, поэт, покинь, и в новый день проснись!
Напев начни иной — прозрачный и могучий;
<...>

Отчетливость нужна и чистота и сила.
Несносен звон пустой, неясность утомила:
я слышу новый звук, я вижу новый край... [4, с. 468].

Призыв к смысловой ясности и отточенной форме соотносится с требованиями, которые Набоков предъявляет к современным поэтам в рецензиях «Новые поэты» и «Дмитрий Кобяков. «Горечь». «Керамика». Евгений Шах. «Семя на камне»». Одним из основных упреков Набокова современным поэтам является отсутствие в их стихах лирического сюжета, без которого, по мнению критика, хорошая поэзия невозможна: «Самые прекрасные лирические стихи в русской литературе обязаны своей силой и нежностью именно тому, что все в них согласно движется к неизбежной гармонической развязке. Стихи, в которых нет единства образа, своеобразной лирической фабулы, а есть только настроение, — случайны и недолговечны, как само это настроение» [5, с. 640].

В собственном поэтическом творчестве Набоков тщательно разрабатывает лирический сюжет, который иногда выходит за пределы одного стихотворения и связывает несколько текстов в единое лирическое повествование. В качестве примера можно рассмотреть несколько произведений, входящих в сборник «Горний путь». Для анализа нами выбраны стихотворения «La belle dame sans merci», «Пьяный рыцарь», «Я думаю о ней, о девочке, о дальней...», «Перо», «Мы столпились в туманной церковеньке...», «Людам ты скажешь: настало!..» и «Русь».

Первое стихотворение «La belle dame sans merci» вводит тему утраты любимой женщины и безуспешных попыток обрести ее вновь. Тематически его продолжением является стихотворение, напечатанное в сборнике следующим, — «Пьяный рыцарь». Первое стихотворение оканчивается строками, описывающими безуспешные поиски героя: «Потому-то, унылый и бледный, / одиноко скитаюсь я тут, / хоть поблекла сырая осока / и птицы давно не поют» [4, с. 555]. В стихотворении «Пьяный рыцарь» мы видим дальнейшую разработку темы невозможности обретения рыцарем его Прекрасной Дамы:

Встал я, гончую окликнул,
вывел лучшего коня...
Рыскал, рыскал по дубраве,
спотыкаясь и звеня;
и всего-то только видел,
что под трезвонной листвою
жемчужные подковы,
оброненные луной... [4, с. 556].

В следующем стихотворении «Я думаю о ней, о девочке, о дальней...» происходит трансформация образа Прекрасной Дамы — вместо чародейки, скачущей на коне при свете луны, лирический герой обращается к подруге своего детства, обычной девушке, а кони из первых двух стихотворений превращаются в гусениц, которые кажутся героям похожими на шахматных коней. В последних строках этого стихотворения воспоминание о первой любви вызывает у героя в сознании образ Родины:

И ведали мы все тропинки дорогие,
и всем березанькам давали имена,
и младшую из них мы назвали: Мария
святая Белизна...
О Боже! Я готов за вечными стенами
неисчислимыя страданья воспринять, —
но дай нам, дай нам вновь, под теми деревьями
хоть миг да постоять! [4, с. 556–557].

Так образ Прекрасной Дамы трансформируется в образ России, которая для поэта-эмигранта столь же недостижима и желанна, как волшебная дева для околдованного рыцаря. Ответом на мольбу лирического героя, взывающего к Богу о возможности хоть на миг вернуться в родную страну, является следующее стихотворение этого сборника — «Перо». В этом произведении, пропитанном фольклорными мотивами, леший наказывает своим внукам поймать жар-птицу и отнести ее бедному поэту, живущему в чужой стране, однако волшебной птице удается вырваться на свободу, так что герой находит утром на пороге своего дома лишь ее перо как напоминание о покинутой родине: «Ну что ж, — и за этот подарок / спасибо, лесные друзья! / Я беден, и день мой не ярок, / и как же обрадован я!» [4, с. 558]. Смешение фольклорных и христиан-

ских образов характерно для творчества Набокова, ведь даже в образе Сирина, имя которого выбрано им в качестве псевдонима, Набоков находит и мифологические, и религиозные истоки.

В следующих стихотворениях («Мы столпились в туманной церковеньке...», «Людам ты скажешь: настало!...» и «Русь») поэт продолжает развитие темы ностальгической тоски по родине. При этом мы вновь наблюдаем особое осмысление традиционной символики, при котором возможно сравнение церковных свечей с ландышами и христианской иконы с языческим образом персонифицированной весны:

Заливаются птицы на клиросе,
плещут воды живые под сводами,
вдоль по ризам колеблется радуги,
и не свечи мы держим, а ландыши,
влажной зеленью веет, не ладаном,
и, расставя ладони лучистые,
окруженная сумраком сладостным,
на иконе Весна улыбается. [4, с. 558].

Специфическое соединение языческой и христианской образности отразилось и в описании литературного пантеона, которое Набоков предлагает в своих стихотворных текстах. Помимо Пушкина, Лермонтова, Тютчева, Фета и Блока, еще одним поэтом, удостоенным места в описываемом Набоковым раю, является Н. С. Гумилев. Стихотворение «Памяти Гумилева» содержит высочайшую оценку творчества поэта, поскольку Набоков признает за ним право беседовать с Пушкиным:

Гордо и ясно ты умер, — умер как муза учила.
Ныне, в тиши Елисейской, с тобой говорит о летящем
медном Петре и о диких ветрах африканских — Пушкин [4, с. 605].

Смерть Гумилева находит горячий отклик в творчестве Набокова и в американский период он вновь обращается в этой теме, однако тональность его суждений несколько меняется. В эссе «Искусство литературы и здравый смысл» упоминание расстрела Гумилева становится формальным поводом для выпада против Советского Союза. Набоков уверен: «Огонек в писательских глазах, когда он замечает придурковато разинутый рот убийцы или наблюдает за розысками в богатой ноздре, учиненными крепким пальцем

уединившегося в пышной спальне профессионального тирана, — огонек этот карает жертву вернее, чем револьвер подкравшегося заговорщика» [3, с. 498]. Утверждая моральное превосходство поэта над его палачами, Набоков предлагает собственную версию казни Гумилева, частично совпадающую с мнением Р. В. Плетнева [8, с. 584]: «Одной из главных причин, по которой тридцать лет назад ленинские бандиты казнили Гумилева, русского поэта-рыцаря, было то, что на протяжении всей расправы <...> поэт продолжал улыбаться» [3, с. 498]. Мифологизируя образ Гумилева, Набоков уподобляет его расстрел пушкинской дуэли. Права на «горную встречу» с Пушкиным поэт, в глазах Набокова, заслужил не только своим творчеством, но и твердостью жизненных принципов, не изменивших ему даже в последние минуты жизни.

В 1972 году Набоков создает стихотворение «Как любил я стихи Гумилева!», свидетельствующее о настоящем преклонении перед поэтом. Перефразируя строки стихотворения Гумилева «Я и Вы», Набоков предрекает:

«... И умру я не в летней беседке
от обжорства и от жары,
а с небесной бабочкой в сетке
на вершине дикой горы»
[Цит. по: 6, с. 689–690].

Такое открытое признание в любви к другому поэту — явление редкое у Набокова и напоминает о более раннем стихотворении «Неоконченный черновик» 1931 г., в котором герой заявляет, что «<...> жизнь и честь мою я взвесил / на пушкинских весах, и честь / осмеливаюсь предпочесть» [6, с. 439]. Однако подобные открытые симпатии Набоков высказывает лишь по отношению к тем поэтам, кого уже нет в живых. В отношении своих здравствующих коллег писатель более осторожен и предпочитает такую форму суждений, которая не допускала бы однозначной трактовки.

Выводы. Лирика дала Набокову возможность свободно объединять небольшие по объему тексты в сложные тематические единства в рамках стихотворного сборника. При такой продуманной композиции каждое стихотворение может быть прочитано и как самостоятельный текст, и как составляющая более крупного единства, что позволяет увидеть некоторые смысловые акценты, расставленные автором при составлении стихотворного сборника.

Список использованных источников:

1. Бойд Б. Владимир Набоков: Русские годы: Биография / Б. Бойд. — М.: Независимая Газета; СПб.: Симпозиум, 2010. — 696 с.
2. Долинин А. А. Об одной пародии Набокова / А. А. Долинин // Империя N: Набоков и наследники: сборник статей / ред. Ю. Левинг, Е. Сошкин. — М.: Новое литературное обозрение, 2006. — С. 356–363.
3. Набоков В. В. Лекции по зарубежной литературе / В. В. Набоков. — СПб: Азбука-классика, 2010. — 512 с.
4. Набоков В. В. Русский период. Собрание сочинений: в 5 т. / В. В. Набоков. — СПб: Симпозиум, 2008. — Т. 1. — 832 с.
5. Набоков В. В. Русский период. Собрание сочинений: в 5 т. / В. В. Набоков. — СПб: Симпозиум, 2008. — Т. 2. — 784 с.
6. Набоков В. В. Русский период. Собрание сочинений: в 5 т. / В. В. Набоков. — СПб: Симпозиум, 2008. — Т. 5. — 832 с.
7. Новикова Е. Г. В. В. Набоков и Ф. М. Достоевский: дискурс «личного отчаяния» / Е. Г. Новикова // Достоевский и XX век: в 2 т. — М.: ИМЛИ РАН, 2007. — Т. 1. — С. 347–357.
8. Плетнев Р. В. Н. С. Гумилев: с открытым забралом / Р. В. Плетнев // Н. С. Гумилев: pro et contra / сост. Ю. В. Зобнин. — СПб.: РХГИ, 1995. — С. 582–592..
9. Старк В. Набоков-Цветаева: Заочные диалоги и «горние» встречи / В. Старк // Звезда. — 1996. — № 11. — С. 150–156.
10. Тихомиров Б. Н. Христос Достоевского versus Христос Набокова / Б. Н. Тихомиров // Достоевский и XX век / под ред. Т. А. Касаткиной. — М.: ИМЛИ РАН, 2007. — С. 320–347.
11. Шаховская З. В поисках Набокова / З. Шаховская. — М.: Книга, 1991. — 320 с.
12. Field A. VN: The life and art of Vladimir Nabokov / A. Field. — London: MacDonald, 1987. — 417 p.

Глазунова С. І. Поетичний збірник як відображення пошуків нової естетичної концепції у творчості В. Набокова.

Розглядається специфіка композиції поетичних збірників В. Набокова, досліджується можливість об'єднання текстів поета в особливі тематичні єдності, подібні до ліричних циклів. Аналіз художньої образності дозволяє зробити висновки про особливості мотиву потойбічності, притаманного творчості Набокова.

Ключові слова: *В. Набоков, інтерпретація, ліричний цикл, поетичний збірник, репетиція.*

Glazunova S. I. The poetic collection as reflexion of searches of the new aesthetic concept in V. Nabokov's creativity

In article specificity of a composition of poetic collections of V. Nabokov is considered, possibility of association of texts of the poet in the special thematic unities similar to a lyrical cycle is investigated. The analysis of art figurativeness allows to draw conclusions on features of motive of the otherworld, Nabokov present at creativity.

Keywords: *V. Nabokov, interpretation, lyrical cycle, poetic collection, reception.*